

А. А. Алимирзаева

ДАГЕСТАН В КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I

*Работа представлена кафедрой истории Дагестана
Дагестанского государственного педагогического университета.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Н. А. Сотавов*

В статье освещаются место и роль Дагестана в кавказской политике России в начальный период присоединения к империи. Показаны масштабность и итоги мероприятий Петра I в экономической, политической и военной областях, проведенные для укрепления влияния России в Дагестане как важнейшем геополитическом центре Кавказа.

The article is devoted to the role and place of Dagestan in the Caucasian policy of Russia in the initial period of its annexation to the Empire. The author shows the results and immensity of Peter the Great's measures in the economical, political and military fields taken for the sake of reinforcement of Russian influence in Dagestan, which is the most important geopolitical centre in the Caucasus.

Кавказская политика России в эпоху Петра I освещена в ряде исследований отечественных и зарубежных авторов в связи с его Каспийским походом и проведенными им мероприятиями в период нахождения в Дагестане¹. Однако международные аспекты этой проблемы, выявившиеся задолго до начала похода и после его завершения вплоть до кончины императора в 1725 г., изучены недостаточно или представлены поверхностно без необходимого использования архивных источников и зарубежной литературы. В статье делается попытка восполнить этот пробел с уклоном на выявление геополитической роли Дагестана в политике России в русле сотрудничества с Ираном и противоборства с Турцией и западными геополитическими соперниками – Англией, Францией и др.

Подготовка к масштабному, экономически, политически и стратегически важному походу шла исподволь, по ходу войны со Швецией. Поход был обусловлен и необходимостью обеспечения безопасности южных границ от нарастающей угрозы со стороны Турции и Крыма. Примечательно, что еще в 1700 г. Петр I повелел астраханскому воеводе В. И. Мусину-Пушкину «укреплять дружественные отношения с дагестанскими горцами, оказывать им посильную помощь и поддержку»².

Указание царя, оказавшееся своевременным, касалось и других народов Северного Кавказа. В 1707 г. крымский хан Каплан-Гирей вторгся в Кабарду, но потерпел поражение от объединенных сил кабардинских князей. В том же году по заданию Порты закубанский правитель Наиб-Султан совершил нападение на станицы терско-гребенских казаков. В качестве ответной меры в 1711–1712 гг. переведенные на левый берег Терека гребенские казаки основали четыре станицы, ставшие началом «Терской кордонной линии» для отражения набегов турок и татар. По-видимому, действия российской стороны в южном направлении обратили внимание не только правителей Турции и Крыма, но и запад-

ных держав. Неслучайно аккредитованный в России датский посол Георг Грунд уже тогда считал, что, как только закончится Северная война со Швецией, Петра I готов начать новую войну на Востоке³.

В создавшейся ситуации правящие круги Турции и России стали разрабатывать конкретные планы по овладению Кавказом, прежде всего Дагестаном, где политическая обстановка способствовала выполнению их внешнеполитических замыслов. В связи с началом антииранских восстаний в Дагестане и Ширване (1700–1721 гг.). Порта старалась привлечь на свою сторону кумыкских владетелей, не принимавших в них прямого участия. С этой целью в 1711 г. к шамхалу Адиль-Гирею и аксаевскому князю Султан Махмуду прибыли посланцы крымского хана с подарками от турецкого султана Ахмеда III, чтобы «оныя владельцы и других тамошних владельцев пригласили и были б единомышленны воли крымского хана, что им повелит хан делать, быть послушны»⁴.

Аналогичные попытки Турцией и Крымом предпринимались и впредь. Как доносил спустя три года находившийся по заданию Петра I в Кабарде А.-Б. Черкасский, не добившись успеха у кабардинских князей, эмиссары Стамбула и Бахчисарая снова обратились «...к другим владельческим князьям кумыцким и шавкалам дабы приклонить их» на свою сторону, «обещая им много... чрез дачу», особенно к тем, которые «из них лутчие владельцы в народе кумыцком... дабы всех тех народов соединить даже до персидской границы, и тако особлева край тот в волю свою привести и поданными учинить»⁵.

Сказанное означает, что Турция стремилась опередить Россию, чтобы захватить Дагестан и прикаспийские области, оставшиеся под властью Ирана. У Петра I оказалось достаточно оснований, чтобы совершить давно задуманный поход на юг. Цели и задачи похода, его подготовка и осуществление достаточно освещены в исторической литературе⁶. Остается доба-

вить, что он проходил в благоприятной для России международной обстановке, в том числе на Кавказе и в Иране.

7 августа 1721 г. дагестанские повстанцы во главе с Сурхай-ханом и Даудбеком, захватившие Шемаху, уничтожив при этом 800 иранских чиновников во главе с наместником шаха Кей Хосров-ханом и 300 русских купцов, положили конец владычеству Ирана на Кавказе. 31 августа 1721 г. был подписан победоносный Ништадский мир со Швецией, позволивший царю всецело переключить внимание на Восток. 7 марта 1722 г. афганские завоеватели во главе с Мир-Махмудом нанесли сокрушительное поражение иранским войскам под Гюльнабадом, блокировав шаха Солтан Хусейна в Исфахане. Воспользовавшись этими событиями, в июле-августе 1722 г. Петр I во главе 100-тысячной армии занял Аграханский полуостров, развилку рек Сулака и Аграхани и весь приморский Дагестан, включая Дербент⁷.

Поход Петра I вызвал международный резонанс и активное противодействие Турции, поддержанной Англией и Францией. Как признают английский и турецкий авторы, прибывший в русский лагерь за Дербентом султанский курьер Нишли Махмед-Ага заявил Петру I, что дальнейшее продвижение русской армии на юг в Ширван станет поводом для объявления Портой войны России⁸.

В декабре 1722 г. султан Ахмед III принял Дауд-бека в свое подданство в качестве правителя Дагестана и Ширвана, постав задачу «...выгнать российский гарнизон из Дербента и всяких тамошних краев»⁹. Переход Дауд-бека на сторону Турции повысил ее шансы на овладение Кавказом путем укрепления своих позиций в Дагестане и Ширване. Подогреваемая интригами английского посла А. Стеньяна, пользующегося услугами французского посла де Бонака, Порты вела себя чрезвычайно воинственно. В июне 1723 г. турецкие войска заняли Тбилиси. В ответ на это русские войска сначала заняли Решт, а затем Баку.

Занятие русскими войсками Решта произошло после того, как спасшийся наследник Сефевидов Тахмасп, объявивший себя в Казвине шахом Тахмаском II, следуя линии своего отца, направил в Россию посла Исмаил-бека, чтобы добиться помощи в борьбе с афганцами, обещая взамен уступить ей некоторые города на побережье Каспия, в том числе Баку и Дербент. Известия об этом вызвали очередной всплеск недовольства в столицах противников России – Стамбуле, Лондоне, Париже, Вене, Копенгаге и др. Опираясь на их поддержку, Порта стала готовиться к войне, потребовав от Дауд-бека «...сначала овладеть персидской Грузией, а потом вытеснить русские войска из Дагестана»¹⁰. В свете этих задач турецкий командующий в Эрздеруме также получил приказ: «...иттить в Дагестанскую землю, дабы российским войскам запретить в прогрессах»¹¹.

Русско-турецкие отношения резко обострились, оказавшись на грани войны. Но дело до войны не дошло: твердая позиция России вынудила Порту занять более сдержанную позицию. Учитывая это, стремясь не допустить турок на побережье Каспия, русское правительство стало добиваться добровольной уступки Ираном Дагестана и прикаспийских областей, обещая взамен на это необходимую помощь для борьбы против непокорных вассалов, отражения османского нашествия и свержения афганского владычества.

На этой основе 12 (23) сентября 1723 г. был подписан русско-иранский Петербургский договор о дружбе и сотрудничестве. Согласно статье 1-й договора, Петр I обещал шаху Тахмасту «...добрую и постоянную свою дружбу и высокоманаршеское сильное вспоможение против всех его бунтовщиков... дабы оных изпровергнуть и его шахово величество при спокойном владении Персидского государства оставить». Со своей стороны, согласно статье 2-й, шах Тахмаси обязывался уступить «...его императорскому величеству всероссийскому в вечное владение города Дербент, Баку, со

всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами тако же и провинции Гилян, Мазандрань (Мазандеран. – А. А.) и Астрабат... для того... дабы оными содержать войско, которое его императорское величество к его Шахову величеству против его бунтовщиков в помощь посылает»¹².

В перспективном плане договор явился важной дипломатической победой России: не нарушая мира с Ираном, она заложила юридическую основу на «право» присоединения к себе Дагестана и прикаспийских областей на выгодных для себя условиях. Как заметил английский историк Локкарт, «подписание этого документа навело тонкий внешний лоск законности агрессивным амбициям Петра в Северной Персии»¹³. Более категорично по этому поводу высказался азербайджанский историк Мустафзаде, который считает, что подписанием этого договора «...не только был узаконен захват прикаспийских провинций Россией, но, более того, она получила право на оккупацию всей оставшейся полосы до Астрабада включительно»¹⁴.

Как и ожидалось, подписание этого договора вызвало очередную вспышку антироссийских заявлений со стороны Стамбула, претендовавшего на значительную часть уступленных Ираном России территорий, особенно в Дагестане и Ширване. Поддерживая эти требования, английский и французский послы выступили с утверждениями о том, что «...Порта должна бречься России»¹⁵; «...оружием остановить успехи русских на Востоке»¹⁶; чтобы царь повелел своим войскам «...от границ турецких ретироваться» и по «турецкому желанию к трактату склонился»¹⁷.

Но добиться этих целей до конца им снова не удалось. Непреклонная линия петровской дипломатии на сохранение достигнутых рубежей на Кавказе дала свои плоды по формату Петербургского русско-иранского договора 1723 г. На этой основе 12 (23) июня 1724 г. был подписан Константинопольский русско-турецкий договор об

определении сфер влияния между Россией, Турцией и Ираном, суть которого применительно к теме статьи сводилась к следующему:

1) за Россией признавались те области, которые она получила у Ирана по Петербургскому договору 1723 г., т. е. западное и южное побережье Каспия от Дербента и Баку до Астрабада и Гиляна. Кроме феодальных владений, находившихся в ее подданстве, она обретала 2/3 приморской полосы Ширвана и часть земель по Самуру, считавшихся под протекцией Сурхая;

2) на территории Ширвана с охватом 1/3 части в сторону моря учреждалось особое Шемахинское ханство под управлением Дауд-бека с признанием верховной власти турецкого султана, но без права ввода турецких войск в Шемаху без особо согласованных с российским командованием случаев;

3) непосредственно под властью Турции, подлежащих прямому управлению Портой, к ней отходили Восточная Грузия, Восточная Армения и большая часть Азербайджана. В Дагестане под ее властью оказались Ахты, Рутул, Цахур и часть кюринских джаматов, находившихся под покровительством Сурхая¹⁸.

Как следует из сказанного, Константинопольский договор 1724 г. носил с обеих сторон несправедливый, захватнический характер. Такой договор не мог быть прочным и надежным, а установленные границы – четкими и стабильными. Неслучайно глубокий знаток истории Турции австралийский посол в Стамбуле И. Хаммер пришел к выводу: «Эта граница, которая разделяла пополам все эти области и не являлась естественной границей по горам или по рекам, была такой же ненадежной, как и весь этот договор о разделении Персидского государства между Россией и Турцией»¹⁹.

Эти черты Константинопольского договора не замедлили сказаться в период разграничения между Россией и Турцией (1726–1728), когда местное население ста-

ло активно выступать против действий разграничивающих сторон. Особенно заметно такое противостояние наблюдалось в Дагестане, подлежащем расчленению вопреки сформировавшимся территориально-политическим феодальным владениям и союзам сельских общин. Как доносили комиссары Порты в Стамбул в конце декабря 1727 г., применив силу и «иные способы», они укротили жителей Ширвана, но «...дальше наступила дагестанская земля, которую мерить невозможно, яко мерить не дают, противятся оружием»²⁰.

Не помогли этому ни инспирированное Портой выступление шамхала Адиль-Гирея против России накануне разграничения, ни замена потерявшего ее доверие Дауд-бека более влиятельным Сурхаем в 1728 г.: базовый потенциал, созданный Петром I проведением комплекса мероприятий экономического, политического, дипломатического, военного и иного характера²¹, продолжал действовать и после его кончины, сохраняя позиции России на Северном Кавказе, Дагестане и прикаспийских областях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лысцов В. П. Персидский поход Петра I 1722–1723 гг. М., 1951; Бадербейли М. Ф. Отношение западноевропейских дипломатов к Персидскому походу Петра I // Известия АН Азербайджанской ССР. Сер. История, философия и право. Баку, 1974. № 4; Гасанов М. Р. Каспийский поход Петра I – важный этап в развитии русско-дагестанских отношений // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 1995. № 2; Довлетшахи И. Лешкаркашие Петер-е Кабир ба Иран // Сохан. Тегран, 1384. № 8–9; Benigsen A. Peter the Great, the Ottoman Empire, and the Caucasus // Canadian – American Slavic Studies, 1974 и др.

² Газета «Кавказ». 1869. № 1. С. 17; История Дагестана с древнейших времен до наших дней: В 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 415.

³ Зевакин Е. С., Полиевктов М. А. К истории прикаспийского вопроса. Тифлис, 1933. С. 35.

⁴ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы: В 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 11.

⁵ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 223.

⁶ Пайчадзе Г. Г. Поход русских войск на побережье Каспийского моря в 1722–1723 гг. и Грузия: Дис. на соис. учен. степени канд. ист. наук. Тбилиси, 1955; Бушев П. П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. (по русским архивам). М., 1978; Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990; Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских отношениях XVIII в. М., 1991; Мустафзаде Т. Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку, 1993; Касимов Р. М. Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения первой трети XVIII в. Дис. на соис. учен. степени канд. ист. наук. Махачкала, 1999 и др.

⁷ Рейснер И. М. Падение державы Сефевидов и нашествие афганцев на Иран // Доклады и сообщения ИФ МГУ. Кн. 10. М., 1950. С. 74–75; Гасанов М. Р. Дагестан в истории Кавказа и России. Махачкала, 2004. С. 198–202.

⁸ Сайкс П. История Ирана / Пер. с англ. М., 1939. Т. 2. Ч. 1. С. 121; Gүkce C. Kafkasya ve Osmanli Imperatorlugun Kafkasya siaseti / Istanbul, 1979. S. 30–31.

⁹ АВПРИ Ф. 77: Сношения России с Персией. Оп. 77/1, 1723. Д. 5. Ч. 1. Л. 11 с об.

¹⁰ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 9 Т. 18. С. 394.

¹¹ АВПРИ. Ф. 89: Сношения России с Турцией. Оп. 89/1; 1723. Д. 6. Л. 37.

¹² Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. С. 285–286.

¹³ Lockhart L. The Fall of the Safavi Dynasty and the afghan occupation of Persia. Cambridge, 1958. P. 248

¹⁴ Мустафзаде Т. Т. Указ. соч. С. 75.

¹⁵ Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 52. С. 295.

¹⁶ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 401.

¹⁷ АВ ПРИ. Ф. 89, 1724. Д. 6ч. 2.1.259 об., 301.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

¹⁸ Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. С. 297–302; *Сотавов Н. А.* Указ. соч. С. 67–68.

¹⁹ *Hammer von J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1831. Bd 7/S/307–308.

²⁰ АВПРИ. Ф. 89, 1727. Д. 6. Т. 2. Л. 604 соб.

²¹ *Гаджиев В. Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965; *Гасанов М. Р.* Кавказ в истории Дагестана и России. Т. 1. С. 205–208; История Дагестана с древнейших времен до наших дней. С. 425–432 и др.